

Человек: мифы и реальность

М.В. Силантьева

Внесенное в заголовок моего выступления обращение к излюбленным формулировкам фантастов XX в., разумеется, неслучайно. Да и «классические» философские тексты «эпохи постмодерна» («Мифологии» Р. Барта, «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийера и «Общество спектакля» Г. Дебора) ставят на философском уровне вопрос об имитации как основном способе существования современной цивилизации. Цивилизации, скрепленной в своем социокультурном единстве мифологемами производства и потребления в глобальном масштабе, социальной роли информации в этом процессе и ее влияния на «нового человека» – «пост-человека».

Миф – также ключевое слово современных исследований в области истории, психологии, религиоведения, искусствознания, лингвистики... Список можно продолжить. Ясно одно: формат идеолого-организационного единства социума действительно определяется сравнительно устойчивыми социокультурными матрицами, самовоспроизводящимися при всех инновационных трендах (точнее, неизменно инкорпорирующими такие тренды). При всех (кажущихся экстремальными) разновидностях ценностных и поведенческих модернизаций, по сути, в обществе не возникает ничего нового. Косвенным показателем этой «старой истины» выступает тот факт, что для всех модернизационных «извращений» в культуре находятся слова – от «содомии» до «прогресса». Любой

«новояз», фабрикуемый по поводу радикально новых событий («спутник», «космонавт», «нанотехнологии» и т.д.) оперирует (по крайней мере, пока что) понятными с аналитической точки зрения конструктами либо обращается к богатому словарю культуры, наработанному ею в течение тысячелетий.

Коль скоро речь зашла о понятиях, хочу вступить и за понятие «человеческий капитал». Ведь если оно столь серьезным образом вошло в научный лексикон, значит, как минимум, оно что-то называет. Какой феномен выражает себя через данное языковое выражение? Прежде чем в буквальном смысле «исправлять имена» (как это любят делать в погоне за истинной предстательности «точного» социогуманитарного знания), стоит, по-моему, обратить внимание на реальность, этими именами названную.

Итак, что же называет имя «человеческий капитал»? Сущность капитала, выделенная еще К. Марксом, – отнюдь не его форма, денежная или иная материальная. По Марксу, она потому и «таинственна», что абстрактна. Это – «способность к самовозрастанию». Если брать понятие «капитал» в экономике в марксовом смысле, оно ничем не хуже ницшеанского концепта «сверхчеловека» как концентрата главной особенности жизни – «воли к власти» (то есть опять же способности к самовозрастанию и самоусилению). Подобная «вирусная» теория жизни, как известно, пересекается со средневековым учением о люциферинском «фрагменте истины»,

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

который, замкнувшись, начинает «работать сам на себя», тиражируя собственную фрагментарность и претендуя таким образом на «полноту» – свойственное ему «заполнение онтологических пустот» экстенсивным способом.

«Человеческий капитал» – это с точки зрения точной аналитики понятия самовоспроизводящийся социокультурный ресурс, человек как материал трансляции мифа (то есть, напомним, в постструктуралистской трактовке сложившегося на протяжении осевого времени формата культуры и общества). «Подводный камень», присутствующий в данном понятии, стал заметным образом проявлять себя лишь в последнее время. Но как данная трансляция осуществляется? Кто ее носитель? Новоевропейская модель культуры (частная мифологема в рамках единого формата культуры «осевого времени») предполагает, что этим носителем является «человек культурный» – автоматически самовоспроизводящийся субъект творческой активности. В «массовидной» трактовке (любимой позитивистами) такой субъект – «человеческий капитал».

Именно здесь происходит системный сбой в прочтении «мифа о человеке». Ведь еще Платон (в своем парадоксе «третьего человека», где человек – отнюдь не случайный пример) показал: в трансляции сущности человека (и общества как «макрочеловека, что показано в «Законах») нет никакого автоматизма. Для того чтобы человек был человеком, ему (и обществу) приходится делать специальное усилие, чтобы быть. Подобное «управленческое усилие» несводимо к воле, хотя и связано с ней. Его «корень» – в интеллектуальной деятельности, желанной субъекту (именно поэтому у Платона познание в «Пире» названо эротичным).

Данный парадокс – необходимость бесперебойной трансляции культуры и невозможность гарантировать автоматизм этой процедуры – «хорошо» дает о себе знать как раз в современной культуре. Речь идет о нежелании учиться, охватившем не только уставшие от разрушительных для экономики реформ страны постсоветского пространства, но и сытую гедонистическую Европу.

Полагаю, что, когда в массовом порядке молодые люди бессознательно «спамируют» почти всю входящую в их головы информацию, не умея отделить «зерна от плевел», – дело тут не в «запущенности» отдельных голов. Перед нами – маркер некоего процесса, а не злая воля отдельных «ленивых» индивидуумов. Рискну высказать очень простое предположение. Современный молодой человек настолько перегружен ненужной ему информацией (включая выбор из «меню» гедонистических блюд), что отказ воспринимать информацию – просто самозащита организма от лишней (действительно лишней и потому опасной) нагрузки.

«Мешки» с тяжелым грузом чужих вкусов и идей наваливаются на потребителя сетевой информации, едва он достиг возраста, когда

способен нажимать пальцем на кнопку. Вместо того чтобы собирать собственный «гербарий», он взваливает на плечи огромное количество чужих. Сам по себе процесс подобного «взваливания» – вообще-то формула образования. Однако сегодня «мешков» явно больше, чем возможно поднять, не говоря уже – дотащить...

Как сказал поэт: «Свободы нет в природе... / Какая тут свобода, когда зима в лесу ...» (Арсений Тарковский «Зима в лесу»). Вот! Ключевое слово найдено! Не Кант заметил, но Кант хорошо сказал, что «человек – гражданин двух миров», мира природы и мира свободы. Миф – это форма организации «природная» (со всеми нюансами интерпретаций сюда же «пойдет» и организация социокультурная, понимаемая как «наследование форм»)...

А как же свобода? Свобода, как сказано в «Ригведе», – это бог Митра, разбивающий каменные города. Каменные города – не только древнейший символ цивилизации. Это еще и символ материи, захватившей внимание человека, создавшего «миф» о своей подчиненности ей. Бог «Ригведы», как и культурный герой у многих народов, добывает из разбитого камня (скалы, омута) чистую воду, символ духовной жизни. Такая свобода в древности связывалась с познанием, с любовью к истине. Не владение вещами, как таковое, а владение, не ставящее человека в зависимость от вещей, – это формула какого-то другого знания, не похожего на «знание – силу». И «формула» другого, не «капитализированного», человека. Человека, подчиняющегося «напрямую» не мифу, а идее, различающего миф и идею и отдающего мифу – «мифово». А не наоборот, что бывает, когда даже духовную жизнь пытаются «переделать» в «духовные стратегии» или «религиозные идеологии».

«Культурная перезагрузка», переход от господства мифа как организации природно-социальной к ориентации на идею, то есть смысл и цель, – если верить предложенному сценарию, – всегда возможна еще и потому, что человек свободен быть человеком. Такая ориентация «проснувшихся» людей проявляется сегодня в необходимости узнавать – узнавать сердцем; значит – бессмысленно. Бескорыстный интерес и любовь, внимание к истине – не такое уж редкое явление в наши дни.

Культура в своем исконном значении, как известно, связана с возделыванием земли и способностью к самоограничению. В этом смысле на ниве отечественного образования еще есть кому пахать. Это необходимо делать, посылляя уклоняясь от имитационных практик, стремящихся заполнить все своими бледными фрагментированными копиями. Современный человек действительно стосковался по настоящему делу. Миф о том, что он уже умер, став симулякром «пост-человека», не соответствует реальности.

Silantieva M. V. Man: Myths and Realities.